

§ 4. НАЦИСТСКИЙ «ОСТФОРШУНГ» — ШАГИ НА ОЩУПЬ

В Министерстве иностранных дел Третьего рейха, в имперском министерстве экономики, в институтах и других учреждениях, к концу 30-х гг. все большую силу набирали сторонники радикальной программы «жизненного пространства».

Еще в начале 30-х годов, когда эта тенденция была латентной, ограниченные возможности подготовки будущих немецких кадров для новой войны в организованных в Советской России совместных советско-немецких школах (танковой под Казанью и летной в Липецке) уже не удовлетворяли растущую потребность в милитаризации.

В связи с этим немецким Генштабом было принято решение организовать при общеобразовательных школах и высших учебных заведениях кафедры военного дела. Разумеется, в скрывающих Германию в военном отношении условиях Версальского договора преподавание военного дела в университетах производилось скрытно. Эти кафедры существовали под видом географических, исторических и других дисциплин¹.

Пришедший к власти национал-социализм окончательно порвал сдерживающие подготовку к войне условия Версальского мирного договора, и с этого времени проводимые секретно военные мероприятия в Германии получили возможность открытого существования. Взгляды идеологов НСДАП совпадали к концу 30-х гг. с воззрениями руководства немецкого Генштаба. По этой причине хозяйственные и политические мероприятия, проводимые в стране, оценивались с точки зрения полезности их делу милитаризации. Наука также была поставлена на службу этой цели.

О. Нидермайер, бывший сотрудник учебного отдела Генштаба, в 1945 г. показал, что в 1936 г. по распоряжению Верховного Главнокомандующего Бломберга при Берлинском университете был организован Научно-исследовательский институт по военной географии и политике². Задача Института военной географии и политики, сообщил он, воспитать германскую молодежь в военном духе. Институт состоял из 4 отделений: 1) военной истории; 2) военной географии; 3) военной политики и 4) военной экономики.

¹ ЦА ФСБ РФ. Протокол допроса арестованного Нидермайера О. Ф. от 28 августа 1945 года. Л. 31.

² Там же. Л. 31–31об.

Институт вел преподавание этих дисциплин в университете и, кроме того, издавал большое количество литературы, популяризирующей военные знания среди населения и призванной стимулировать интерес к военному делу у молодежи.

Кроме него был создан Институт исследования родины и славянского вопроса, имевший несколько отделений: 1. История и этнография. 2. Экономика. 3. Славянская история. 4. Предыстория¹.

В его идеологические задачи входили: борьба против польских научно-исследовательских институтов, доказывающих принадлежность в прошлом некоторых территорий восточной Германии к Польше. Институт должен был противопоставить политическим позициям и работам поляков свои «научные» изыскания, которые в случае необходимости должны были быть опубликованы. «Мы наметили произвести исследования поселений древних готов и бургундов на территории Западной Польши и тем самым доказать принадлежность этих территорий к Германии». Они велись с целью оправдания захватнических планов фашистской Германии².

К моменту захвата власти нацисты уже обладали программой экспансии, разработанной деятелями «остфоршунга» — исследований восточных территорий для расширения жизненного пространства рейха — и других «научных дисциплин». В первую очередь отрабатывались и «аргументировались» тезисы о «большевистской угрозе» и «миссии немцев на Востоке», которые, несколько варьируясь, стали лейтмотивом гитлеровской пропаганды. Кроме того, она могла опираться на плоды деятельности различных отраслей науки, в большой мере вдохновленной «остфоршунгом»³, по сути подменившим краеведение, археологию и антропологию.

Библиотеки пополнялись «научными» статьями о «русской душе», об «Азии или Европе», антисоветскими и антикоммунистическими изданиями. Нацистская доктрина о роли немцев в исполнении «культурной миссии в Восточной Европе» чрезвычайно подходила для того, чтобы замаскировать требование «жизненного пространства» видимостью научности. Под влиянием этих фашистских те-

¹ ЦА ФСБ РФ. Протокол допроса арестованного Нидермайера О. Ф. от 28 августа 1945 года. Л. 31об.

² ЦА ФСБ РФ. Протокол допроса арестованного Нидермайера О. Ф. от 28 августа 1945 года. Л. 31об–32.

³ Фойхт Герд. К вопросу о роли фашистского «остфоршунга» перед Второй мировой войной // Вторая мировая война: Взгляд из Германии. — М.: Яуза, Эксмо, 2005. — С. 63.

зисов, ставших основой для выработки человеконенавистнической политики на оккупированных территориях СССР, находились и даже относительно прагматичные немецкие военные аналитики, непосредственно соприкасавшиеся с советской действительностью, — в их числе немецкий военный атташе в Москве Э. Кестринг и сотрудник Генштаба К. Шпальке.

После смерти президента Гинденбурга (1934) Гитлера уже ничто не останавливало в проведении агрессивной политики и, в первую очередь, все усиливавшейся пропаганды против Советского Союза и коммунизма. Она «натворила много бед и путаницы в германских военных кругах и даже в головах старых офицеров Генштаба»¹.

Шпальке, считая целесообразным деполитизировать информацию, предлагал противопоставить этой пропаганде в его представлении объективный обзор, составленный на базе многолетней работы 5-й группы отдела Т-3 (Этот отдел занимался сбором информации об иностранных армиях).

«Вскоре не проходил ни один день, чтобы не приходилось давать оценку той или иной фальшивке... Я должен был информировать начальника Т-3, начальника Генштаба... о развитии советской внешней политики, что имело большое военное значение»².

При подготовке экспансионистских планов руководящие круги гитлеровской Германии опирались на «остфоршунг». Так, например, Кенигсбергский институт по экономике России и восточных государств регулярно посылал по несколько экземпляров своих «доверительных особых докладов» руководству МИДа.

Свидетельством тесного сотрудничества исследователей «остфоршунга» с германским внешнеполитическим ведомством является также финансирование министерством иностранных дел важных «научных» центров³. Зафиксированы мнения видных деятелей этого профиля. Так, 25 февраля 1931 г. Фридрих Шмидт-Отт писал:

¹ ЦА ФСБ РФ. Собственноручные показания арестованного Шпальке К. А., Т. 1, Л. 149.

² Там же.

³ Значительные суммы получили, например, лейпцигский «Deutsche Stiftung für Volks-und Kulturbodenforschung», Институт по изучению Восточной Европы в Бреслау, Кенигсбергский институт по экономике России и восточных государств, а также Германское общество по изучению Восточной Европы, регулярно выделявшее часть этих денег для Русского экономического института в Берлине, чей персонал состоял из эмигрантов. Кроме

«Будучи свыше десяти лет руководителем Немецкого общества по изучению Восточной Европы¹, я всегда полагал, что имею право рассматривать всю деятельность общества как содействие развитию наших отношений с Россией, как служение министерству иностранных дел»².

Еще точнее задачи общества были сформулированы его руководством в памятной записке, датированной апрелем 1933 г.:

«В своей научной и практической деятельности общество постоянно руководствовалось исключительно национальными соображениями и тщательно избегало всякого влияния партий. По отношению к Советскому Союзу общество — как его ответственные руководители, так и рядовые сотрудники — занимало позицию, в точности соответствующую линии, сформулированной в речи г-на рейхсканцлера Гитлера, произнесенной в рейхстаге 23 марта 1933 г.: культивирование хороших отношений с Россией при одновременной борьбе против коммунизма в Германии. Именно уничтожение коммунизма в Германии расчистило путь к хорошим отношениям с Россией, которым не мешают более препятствия внутриполитического порядка»³.

В рамках «остфоршунга» Шпальке, как один из крупнейших во второй половине 30-х гг. специалистов по военной политической ситуации в СССР проводил следующую работу:

«1. Доклады о Красной Армии, которые я читал в Берлине, Лейпциге и Мюнхене... Доклады производили повсюду сильнейшее впечатление. Позднее в начале или в конце 1936 г. организацию подобных докладов пришлось прекратить в связи с нападками со стороны партийных кругов, квалифицировавших их как пропаганду в пользу Советского Союза. Генерал Бек приказал мне представить тезисы моего доклада, просмотрел

того, деньги на нужды «остфоршунга» поступали, например, из бюджетных средств имперских министерств экономики, науки и образования.

¹ Президентом этой организации, призванной объединять деятельность немецкого «остфоршунга», был избран в 1920 г. Фридрих Шмидт-Отт. Его предшественником был князь Гатцфельд. Весьма характерно, что Шмидт-Отт с 1920 по 1925 г., между прочим, был председателем наблюдательного совета акционерного общества «Фарбенфабрикен Байер», а до 1945 г. — членом наблюдательного совета «ИГ Фарбен», состоявшего всего из тридцати человек.

² *Герд Фойхт*. К вопросу о роли фашистского «остфоршунга» перед Второй мировой войной // Вторая мировая война: Взгляд из Германии. — М.: Яуза, Эксмо, 2005. — С. 62.

³ Там же. — С. 62–63.

их и ответил на жалобы Внешнеполитического управления партии, что он не видит никаких погрешностей... В связи с произошедшим он вообще запретил всем офицерам Генштаба читать публичные лекции, заявив: «Если офицеру больше не разрешено докладывать правдиво, то нечего ему вообще заниматься докладами».

2. Большие поквартальные обзоры о военнополитическом положении Советского Союза.

3. Различные «докладные записки» по поводу политических договоров периода 1933–1937 гг.

4. Меморандум по поводу значительных внешнеполитических выступлений советских государственных деятелей (например, речи Молотова и Литвинова в 1935–1936) которые либо замалчивались, либо извращались германской прессой и МИДом.

5. Докладная записка по вопросу вступления Советского Союза в Лигу Наций».¹

Шпальке также написал объемное исследование на тему «Приведет ли война между Японией и Россией к существенному ослаблению советских вооруженных сил на западной границе». Эта разработка была поручена ему начальником III разведывательного отдела (Т-3) немецкого Генштаба генералом Штюльпнагелем вскоре после подписания тройственного пакта (Германия, Италия, Япония). «После тщательной работы я пришел к выводу, что у России достаточно сил на востоке и вооруженные силы на западе не потерпят существенного ослабления»².

Немцы собирали и текущую информацию об имевшем тогда место упадке торговых отношений между Германией и Россией, например, уменьшении германских поставок, оплате русских вексельных долгов, достигших 4,5 млрд марок, уменьшение поставок из России, в особенности товаров оборонного значения, таких как лес, марганец и т. д.

Материалы для этих сообщений Шпальке получал от председателя «Русского комитета германской промышленности» — Ф. Чунке, с которым был тесно связан. «Русский комитет» был органом «Имперского объединения германской промышленности», который практически осуществлял и регулировал экономическое сотрудничество с СССР. В «Комитете» были представлены все значительные германские фирмы, торговавшие с Россией. «Русский комитет» работал в тесном контакте с советским торгпредством в Берлине³.

¹ ЦА ФСБ РФ. Собственноручные показания арестованного Шпальке К. А. Т. 1. Л. 150.

² Там же. Л. 151.

³ Там же. Л. 151.

Чунке посещал берлинский «Русский кружок». Это был один из «оазисов», где собирались, по информации Шпальке, люди, оппозиционные гитлеровскому курсу, заинтересованные в сотрудничестве с Россией. Шпальке спрашивали: «Неужели вы в ОКВ (объединенном командовании вермахта. — Ю. К.) ничего не можете предпринять против этого безумия?» Он отвечал, что Штюльпнагель, Фрич и Бек делают все, что в их силах, но Бломберг, «гитлеровский молодчик», слишком слаб, чтобы добиться перемен. После пакта 1939 г. стол Чунке был завален подарками от «Русского комитета», где праздновали это событие¹.

Немецкий Генштаб анализировал следующие аспекты предстоящего «пути на восток»:

- а) «Может ли Германия в настоящий период времени позволить себе ведение политической борьбы за мировоззрение и соотношение такой политики с реальными факторами».
- б) «Может ли Генеральный штаб взять на себя ответственность за ведение бесперспективной войны с превосходящими силами вражеской коалиции».
- в) «Политика сотрудничества с Польшей в борьбе против России».

Шпальке в аналитических докладах руководству Генштаба отвечал отрицательно на все три вышеназванных вопроса. Работа, выполненная по пункту «а», была направлена командующему вермахтом В. фон Бломбергу. Показательна резолюция последнего: «Очень интересно, для дальнейшего распространения не пригодно»².

В 1936 г., по возвращении из Москвы, Шпальке сделал доклад для Бломберга, указав при этом на опасности, связанные с отходом от прежней политики по отношению к России. «Одновременно я намекнул на желательность изменения гитлеровского курса. Мой доклад Бломберг отстранил без всякой деловой мотивировки»³.

«Остфоршунг» теснейшим образом был связан с разведкой. Уже с апреля 1933 г. в отделе Т-3 (занимавшемся сбором информации об иностранных армиях) появилась референтура по вопросам Красной Армии. Она занималась сбором и обработкой материалов о государственном устройстве и внутреннем положении Советского Союза, о развитии тяжелой промышленности как базы оснащения Красной Армии, а

¹ ЦА ФСБ РФ. Собственноручные показания арестованного Шпальке К. А. Т. 1. Л. 151–152.

² Там же. Л. 153.

³ Там же.

также о структуре политорганов Красной Армии и организации политработы... Ставилась задача «иметь точную картину хозяйственного развития России, особенно успехов пятилетних планов, что влияет на рост военного потенциала (тяжелая и оборонная промышленность)»¹. Советский Союз стоял на первом месте в работе отдела по сравнению с другими, более мелкими странами². Данные брались из официальных печатных изданий, выходящих в Советском Союзе и поступающих в Германию, — газет и брошюр. Кроме того, активно использовались доклады германского военного атташе в СССР Кестринга. Он был ключевой фигурой среди сотрудников посольства Третьего рейха, осуществлявших активную разведывательную деятельность.

Кестринг (как, вероятно, и другие сотрудники военного, морского и авиационного атташатов), использовал любую возможность для сбора сведений по широкому кругу военно-экономических вопросов, так или иначе связанных с обороноспособностью СССР³.

Нацистов интересовали, прежде всего, стратегический военный потенциал Советского Союза, дислокация военных объектов, транспортных узлов, электростанций, мостов и дорог — то есть все, что с началом военных действий могло стать объектом бомбардировок и диверсий. Однако возможностей для ведения активной разведывательной работы внутри нашей страны у немецкой разведки было относительно немного. Этому способствовал жесточайший контрразведывательный режим, установившийся на территории СССР к середине 30-х гг., который, ко всему прочему, находил массовую поддержку среди населения. Любой иностранец, а тем более немец, появившийся в стране, оказывался в своеобразном информационном вакууме, поскольку вступить в контакт с чужеземцем в те годы отваживался далеко не каждый. За этот «контакт» можно было поплатиться несколькими годами лагерей.

Сам Кестринг в одном из писем в Берлин весной 1937 г. иронизировал: «Проехался немного по городу, вышел из автомобиля и прогуливаюсь. Приближается одна группа, как я впоследствии установил, Гамарник, Микоян и два полных начальника ГПУ, то есть властители высочайшей крови. Один останавливается около моего автомобиля, который здесь слывет как произведение чуда. Как позднее выясни-

¹ ЦА ФСБ РФ. Протокол допроса арестованного Шпальке К. А. от 22 августа 1947 г. Т. 1. Л. 48.

² Там же. Л. 49.

³ Матвеев О. «За мной по пятам гонится НКВД...» // URL: <http://www.FSB.ru/history/authors/matveev7.html>.

лось, при начавшемся объяснении было сказано, что автомобиль принадлежит немецкому военному атташе. Услыхав такое страшное имя, сотрудник ГПУ повернулся и поспешно удалился»¹.

В этих условиях германские спецслужбы сделали основную ставку на легальную разведку. Об устремлениях германских разведчиков, работавших «под крышей» посольств, был информирован НКВД.

Довольно часто Кестринг практиковал такой вид разведки, как туристические поездки по стране. Он старался активно использовать случайные источники — местное население и попутчиков. Ну и, конечно, наметанный взгляд опытного разведчика фиксировал все, что встречалось на его пути и могло представлять военный интерес: мосты, переправы, разветвленность и качество дорог, сезонное количество осадков и другие характеристики местности, предполагаемой под будущий театр военных действий.

Поведение Кестринга во время этих поездок колоритно описал один из секретных сотрудников НКВД, который под видом журналиста стал «случайным попутчиком» генерала во время его продолжительного путешествия по СССР по железной дороге.

«Генерал Кестринг, — отмечал он в своем отчете, — человек умный, хитрый, чрезвычайно наблюдательный и обладающий хорошей памятью. По-видимому, он от природы общителен, но общительность его и разговорчивость искусственно им усиливаются и служат особым видом прикрытия, чтобы усыпить бдительность собеседника. Он задает не один, а десятки вопросов самых разнообразных, чтобы скрыть между ними те два или три единственно существенных для него вопросов, ради которых он затевает разговор. Он прекрасный рассказчик, но и то, что он говорит, обычно ведет к совершенно определенной цели, причем так, что собеседник не замечает этого. В течение часа или двух он может засыпать собеседника вопросами, рассказами, замечаниями и опять вопросами. По первому впечатлению это кажется совершенно непринужденной беседой и только потом становится ясным, что вся эта непринужденность и видимая случайность на самом деле вели к какой-то определенной цели»².

В одну из самых серьезных и продолжительных поездок по СССР Кестринг отправился на своем автомобиле в мае 1937 г. Маршрут путешествия — российское Черноземье, Украина, Крым, Донбасс,

¹ ЦА ФСБ РФ. Пакет с документальными доказательствами. Л. 392.

² *Матвеев О.* «За мной по пятам гонится НКВД...» // <http://www.FSB.ru/history/authors/matveev7.html>.

Кубань и Кавказ. Цель заключалась в том, чтобы лично ознакомиться с жизнью названных регионов Советского Союза.

«Еще за восемь дней до моего отъезда, — записал позже Кестринг в своем докладе, — два каких-то подозрительных автомобиля все время стояли у моей квартиры. Через несколько километров по выезде из пределов Москвы мне стало ясно, что впервые за мной, так же как и за всеми другими атташе, гонится по пятам НКВД. На вопрос, кто они, они ответили, что едут для моей охраны. Разумеется, они ехали для того, чтобы лишить меня возможностей всякого общения с населением и использования моего фотоаппарата. Однако, во вторую очередь, они предназначались действительно также для охраны, ведь если б что-нибудь случилось со мной, глава НКВД не захотел бы дать в руки нашей прессы такое хорошее средство пропаганды»¹.

В письме заместителю посла Германии в СССР Типпельскирху от 21 июня 1937 г. Кестринг писал об этой поездке: «В течение 9 дней я ехал в Тифлис, лучше сказать — я боролся с ужасной дорогой. Никакая другая автомашина, кроме моего “Хорьха”, не смогла бы одолеть эти 3000 км, из которых 2,5 тыс. просто невозможно описать. Несмотря на сопровождавших меня днем и ночью работников ГПУ, я смог сделать ценные наблюдения. Они, естественно, имели задачей «охранять» меня. Эти оковы все время опоясывали меня, «были назойливыми», но часто оказывали помощь. В этой стране это главное. Здесь можно получить иные впечатления, нежели в Москве, где все ограничивается газетами и дипломатическими сплетнями»².

Отчет о поездке Кестринг написал для последующей отправки в немецкий Генштаб. Однако доклад прочитали сначала на Лубянке, а потом — в Берлине. В один из летних вечеров, когда он наслаждался балетом Большого театра, а прислуга ушла из особняка домой, содержимое его сейфа пересняли на фото пленку советские контрразведчики³.

В докладе Кестринга о поездке по Волге летом 1937 г. содержатся отнюдь не только сугубо военные наблюдения, но и описание социально-бытовых картин «русской жизни».

¹ *Матвеев О.* «За мной по пятам гонится НКВД...» // <http://www.FSB.ru/history/authors/matveev7.html>.

² General Ernst Köstring. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921–1941. Bearb. von Teske Hermann. — Frankfurt am Main, 1965. — S. 180.

³ *Матвеев О.* «За мной по пятам гонится НКВД...» / <http://www.FSB.ru/history/authors/matveev7.html>

«Невыносимо радио, которое гудит постоянно, что жизнь была бы счастливой, если бы не было троцкистских фашистских шпионов и вредителей. Это весьма действовало на нервы. Кажется, и народу это действовало на нервы... Везде лозунги, лозунги, но восторга народа нет. В Екатеринограде (там размещалась большая немецкая колония. — Ю. К.) — большевистские лозунги на немецком языке. Кормят обильно, но невкусно. Типично и показательно для плановой советской экономики: мы плыли по рекам, где много рыбы, но на столе ни разу свежей рыбы не было. Даже в Астрахани, когда-то снабжавшей рыбой всю Россию, только сельдь на рынках и огромные рыбоконсервные фабрики»¹.

Кестринг отмечал, что советская экономика «все еще» зависит от урожайности. В 1937 г. урожай был очень хорошим. Очереди в хлебные магазины почти исчезли. И 1938 г. обещает тоже быть хорошим. Зато, фиксировал атташе в докладе, очереди в магазины за товарами и одеждой. В больших городах — очереди всю ночь. Либо этих товаров недостаточно, либо их плохо распределяют.

«Везде дворцы партии. Но пройдут еще десятилетия, пока все горожане получают квартиры. Что касается деревень: с 1914 г. тут не вбит ни один гвоздь. Бедность, бедность... Еще многие десятилетия ничего меняться не будет... Церкви разрушены, дома запущены, единственное украшение — площади с хилыми кустами и очередным Лениным из поддельной бронзы. Живут плохо»², — резюмировал он.

Специфические в военном отношении штрихи — рефрен доклада.

«Сообщения о якобы стопроцентной электрификации СССР не соответствуют действительности... Состояние дорог: когда сухо, можно проехать с любой скоростью, но когда дождь, движение невозможно. Таким образом возникают сложности с передвижением моторизованных войск. Мало самолетов в воздухе. Японские источники говорят, что близ Куйбышева расположено много складов. Если есть, то недалеко от железной дороги. И даже при удачной маскировке они должны быть заметны. Везде много элеваторов, это склады для хлеба. Когда в прошлом году ездил по Украине, этого не видел»³.

Немецкий дипломат-разведчик фиксировал:

«В крупных городах улицы красивые, дома в хорошем состоянии. Появляются многоэтажные здания: Горький, Куйбышев, Саратов, Астрахань, Рязань. Особенно Сталинград. Цель — показать Сталина как велико-

¹ PA-AA Akten Botschaft Moskau 183 1928-30 Bd. II-III. — S. 3.

² Ibid. — S. 8–10.

³ Ibid. — S. 5–6.

го стратега Гражданской войны. Вокруг тракторного завода — новый фабричный город с казармами для рабочих и отдельными домами. Это соответствует западно-европейским представлениям»¹.

«О настроениях в народе судить сложно. В 1 и 2 классах путешествует состоятельная публика. Она особенно осторожна в высказываниях... Здесь царствует страх, особенно по отношению к иностранцам. Хлеб, огурец, чай с сахаром уже удовлетворяют массу людей. Если правительство может этим людям при хорошем урожае дать одежду и кастрюлю, то ему не нужно бояться ста миллионов населения. Это будет продолжаться до тех пор, пока у них нет потребностей выше покупки граммофона»².

В Генштаб и МИД Германии шли информационные и аналитические сообщения о военных парадах, о введении знаков различия в РККА в 1935 г., о стахановском движении в армии, о внутрипартийной борьбе и, конечно, о репрессиях. Колоритен отчет немецкого посольства в Москве в Берлин о параде 7 ноября 1935 г.

«Непосредственно на параде делать какие-либо заметки, как всегда, было нельзя. Однако дружественные лица обещали дать кино- и фотопленку. По единодушному мнению всех военных атташе, что-либо нового в отношении конструкций на параде показано не было, однако были чрезвычайно длинные орудия, о которых никому ничего конкретного известно не было. Речь Ворошилова была выдержана в духе восхваления достижений во всех областях. Успехи колхозов были особо выдающимися, и лишь известная недостаточность транспорта требовала мощного прорыва вперед. Речь содержала старые непреклонные заверения в миролюбии в противоположность всему миру. Наибольшую резкость речь приобрела лишь тогда, когда он стал грозить врагу, который «священные рубежи пролетарского государства» рискует преступить. Армия отшвырнет его туда, откуда он пришел!»³.

В 1936 г. германская дипломатия фиксировала еще одну, ранее неприемлемую для СССР тенденцию — возрождение казачества. Это трактовалось как «ослабление большевистских позиций и боязнь недовольства». И — как одно из новых направлений милитаризации советской России. В различных газетах (например, «Правда» от 05.03.36.) тогда появились статьи о целесообразности восстановления старого казачества.

¹ PA-AA Akten Botschaft Moskau 183 1928-30 Bd. II-III. — S. 9.

² Ibid. 2-3. — S.11.

³ General Ernst Köstring. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921-1941. Bearb. von Teske Hermann. — Frankfurt am Main, 1965. — S. 158.

«Это особо примечательно, так как казаки Дона, Кубани и Оренбурга с давних пор считались заклятыми врагами Советской власти, — отмечалось в немецкой сводке. — Казаки были старой властью наделены землей, были все единоличниками и, в отличие от крестьян севера России, были объединены в общины, которым и принадлежала земля. В 1932–33 гг. возникло сопротивление казачества в форме саботажа полевых работ и всех коллективизационных мероприятий правительства. Как сейчас известно, были и вооруженные выступления. Путем жестоких мер... это сопротивление было подавлено. Напрашивается мысль, что возрождение старого казачества в новом духе является не только политической мерой... Эти мероприятия находятся в соответствии с наблюдаемым усилением кавалерийских частей на западной границе... В области Каменец-Подольска должен быть создан колхозно-кавалерийский корпус»¹.

В целом же, касаясь разведывательной работы в СССР в середине 30-х гг., Кестринг признавал: «Опыт многих месяцев работы здесь показал, что почти исключено получить информацию по военным или отдаленно связанным с оборонной промышленностью вопросам. Это наблюдение, которое мне подтвердили атташе близких СССР государств»².

Однако легальная разведка все же собирала информацию и имела приблизительное представление об армии и важнейших военных мероприятиях. «Агентурную работу я сохраняю, как и прежде»³, — отчитывался Кестринг в Берлин. Немецкое военно-политическое руководство старалось детально исследовать все сферы жизни Советской России. Это способствовало, как представлялось нацистским идеологам и военным, пониманию перспектив эффективности «пути на восток».

* * *

Контакты в военной области оставались важной, хотя и секретной, сферой взаимоотношений СССР и Германии в 1933–1939 гг. Их суть и смысл состояли в сохранении после прекращения военного сотрудничества определенных перспектив для возможного быстрого сближения (что и произошло в 1939 г.). При этом характер военных связей зачастую противоречил официально декларируемой политике двух стран по отношению друг к другу, а сами они стали объектом сложной политической игры лидеров СССР и Германии

¹ Ibid. — S. 173.

² Ibid. — S. 168.

³ Ibid. — S. 169.

в борьбе за укрепление собственных позиций. Следствием такого вовлечения военных ведомств в «большую политику» стали массовые репрессии в Красной Армии и чистки командного состава вермахта, предпринятые обоими вождями в конце 30-х гг.¹

Сталин стремился решить с помощью Германии ряд проблем внутреннего и внешнего плана: усилить оборонную мощь СССР, насытить РККА передовой техникой и вооружением, подавить оппозицию своему курсу в военных и партийных кругах страны. Линия на сближение с Гитлером позволяла ему оказывать политическое давление на Англию и Францию, заставляя их учитывать в своей политике советские интересы. По мере приближения Второй мировой войны Сталин, видя увеличивавшуюся мощь Германии, все больше ориентировался на военно-политический союз с Гитлером, но делал это путем «неофициальной» дипломатии, не выступая пока на передний план. Одновременно, как прагматичный политик он учитывал возрастающую угрозу для СССР со стороны Германии и старался максимально укрепить обороноспособность страны, в том числе за счет немецкой стороны.

Нацистское руководство Германии в этот период в своих отношениях с СССР также стремилось достичь целого ряда военно-политических целей. На «внутреннем» фронте оно активизировало борьбу с коммунистами и социал-демократами, и этому способствовала линия Сталина и Коминтерна, которые фактически осуществляли политику раскола единого антифашистского фронта в Германии². Следует отметить, что начиная уже со второй половины 30-х гг., СССР несколько ослабил, а к 1939 г. и вовсе директивно прекратил антифашистскую агитацию через Коминтерн, заявив устами главы МИДа: «Не только бессмысленно, но и преступно вести такую борьбу, как борьба против гитлеризма»³.

В период 1933–1939 гг. и Советский Союз, и Германия определялись с новой политической линией в отношении друг друга. Тогда особенно активно шел военно-политический зондаж и взаимное «прощупывание» на официальном и неофициальном уровне. В это время были свернуты все формы военного сотрудничества, однако

¹ Захаров В. В. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии: 1921 — июнь 1941 г. — М.: ГА ВС, 1992. — С. 147.

² Там же. — С. 165–166.

³ Международное положение и внешняя политика СССР. Сборник документов и материалов. — М.: Государственное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1939. — С. 8.

поддерживались эпизодические контакты военных инстанций обеих стран, совершались отдельные сделки военно-экономического характера. Соответственно трансформировалось отношение СССР к Германии в военно-политическом плане. Теперь Германия рассматривалась как вероятный будущий противник Советского Союза.

Военное сотрудничество РККА и рейхсвера в «рапалльский» период и последующие военные и военно-экономические связи двух государств в целом позитивно влияли на развитие Красной Армии, советской военной науки и военно-технической мысли, советской оборонной промышленности. В этом смысле опыт использования передовых достижений Германии в области военного дела можно считать положительным. В первую очередь это касалось подготовки военных кадров, разработки новых образцов вооружения, обмена военно-технической информацией, совместных военно-экономических проектов¹.

Военные отношения СССР и Германии являлись лишь производными военно-политического курса, проводимого руководством этих стран. Их прямая зависимость от геополитических калькуляций и амбициозных планов вождей во многом обесценила в конечном счете практические результаты этих отношений для обеих сторон. Так, постепенная трансформация равноправного и взаимовыгодного военного сотрудничества 20-х гг. в политику силового передела европейских границ в предвоенные годы не принесла выгод ни СССР, ни Германии. Агрессор и его будущая жертва, связанные пактом 1939 г., шли навстречу разрушительной войне.

Приобретенная ценой огромных политических, экономических и моральных издержек оттяжка вступления СССР в войну была перечеркнута грубыми военными просчетами советского руководства. И. В. Сталин и его окружение так и не смогли своевременно подготовить страну к отпору агрессии. Ошибка в определении времени нападения Германии на Советский Союз, опоздание с приведением войск в боевую готовность, половинчатые меры по развертыванию Красной Армии на западных рубежах — все это обеспечило вермахту значительные стратегические преимущества летом 1941 г.

Однако и первоначальные победы Германии в конце концов обернулись для нее самым страшным военным поражением за всю ее многовековую историю.

---

¹ Захаров В. В. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии: 1921. — июнь 1941 г. — М.: ГА ВС, 1992. — С. 230.